

Пока цветёт каланхоэ

Счастье
не на другом
конце маршрута,
оно здесь.

Мелани Хадро

Мелани Хадро

Пока цветёт каланхоэ

«Автор»

2026

Хадро М.

Пока цветёт каланхоэ / М. Хадро — «Автор», 2026

Симферополь — город поездов, пыльных дворов и людей, которые всё время куда-то уезжают. Ей почти сорок шесть: за плечами развод, потерянная работа, взрослеющие дочери и усталость от красивых, но пустых романов. Ему — сорок один, он работает на стройках, живёт в старом доме на окраине и совсем не похож на героя женских грёз. Большой, неловкий, смешной — настоящий Шрек. И всё же именно с него начинается история любви двух взрослых, уставших людей, нашедших друг в друге тепло, смех и ощущение дома. Ромашки в стеклянной банке, разговоры до рассвета, старые песни, гипсовая крепость и упрямо цветущий каланхоэ становятся свидетелями их маленькой сказки. Но однажды героиня понимает: счастье — не в том, чтобы удержать любовь любой ценой, а в умении снова выбрать себя и не бояться будущего.

© Хадро М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Мелани Хадро

Пока цветёт каланхоэ

Глава

Они познакомились в середине июня, когда крымская жара еще не стала удушливой, а только обещала, томила, наливала сизой дымкой далекие горы. Город их был странный — Симферополь, вокзальная столица полуострова, куда все приезжают и откуда все уезжают, но где почти никто не остается жить по доброй воле. Воздух здесь всегда пахнет железной дорогой, горячей пылью и тополиным пухом, который в июне носится над улицами белыми метелями. Она жила на первом этаже десятиэтажного панельного дома — тех, что строили в семидесятых, с узкими окнами и слышимостью такой, что по ночам было слышно, как у соседней сверху переступает кошка. Квартира была просторная, светлая, но с той особенной, немного тревожной близостью к земле, когда за окном то и дело мелькают чьи-то ноги, хлопает дверь подъезда, гудит припозднившийся мотоцикл. Она любила эту квартиру за то, что не пришлось ее разменивать после развода — бывший супруг, еще в 2013-м уехавший в Киев покорять новые горизонты, а на деле банально закрутивший там служебный роман, фактически оказался в другой стране, и делить имущество через границу было так сложно, что он махнул рукой. Так она и осталась — одна, с двумя дочками, в этой гулкой, проходной, но своей крепости. Ей было почти сорок шесть. Короткая стрижка, пепельный блонд, открывающий длинную, еще не тронутую морщинами шею, глаза светлые, но с той особенной, горьковатой глубиной, которая бывает у слишком много знающих о жизни. За плечами — восемь лет одиночества после того, первого, школьного, единственного, как ей тогда казалось, брака. Она выкарабкалась сама — как птица феникс, любила она повторять в редкие минуты откровенности. Сделала карьеру, стала руководителем в крупной туристической компании, и были у нее после развода романы — головкружительные, и с местными «прынцами», и даже иностранцами, она даже посмеивалась над собой, называя это «секс-туризмом». Но все это прошло, отгорело, а в феврале 2022 года закрылась и фирма, и та радостная, сумасшедшая суета, которая заменяла ей воздух. Старшая дочка, вынужденно уехавшая во Францию, присылала фотографии крохотного городка с ратушей, похожей на декорацию к сказке о Красавице и Чудовище, и в каждом ее сообщении сквозила такая потерянности, что у матери сжималось сердце. Младшая, подросток с обостренным чувством справедливости и мальчишеской, угловатой дерзостью, ссорилась с одноклассниками — теми самыми мальчишками, с которыми еще с первого класса была неразлей вода, заводилой в их вечно галдящей ватаге, лазала с ними по гаражам и знала все окрестные пустыри. А теперь они выросли, и дружба дала трещину — мальчики вдруг застенчались, что ими командует девчонка, а она не могла понять, почему вчерашние друзья вдруг стали чужими и смотрят на нее с какой-то неловкой, колючей усмешкой. И в этой пустоте, в этой звенящей тишине вдруг возник он.

Написал что-то нелепое, смешное, с ошибкой в слове «симпатичная». Она глянула на фото — и чуть не рассмеялась вслух. Большой, лысый, уши оттопырены — вылитый Шрек из того самого мультфильма, который они когда-то смотрели с младшей дочкой, уютно устроившись на диване с пледом и попкорном. Она еще тогда подумала: «Боже мой, настоящий Шрек, только без зеленой кожи». Но глаза — глаза смотрели прямо и как-то беспомощно, с той особенной, детской надеждой, которая бывает только у очень сильных физически и очень неуверенных в себе мужчин. И она, сама не зная почему, ответила. Ему был сорок один. Он работал на стройках — шпатель, отделка, бетон, все, что подвернется. Жил на окраине, в половине старого, разваливающегося дома, доставшегося от бабушки и отвоеванного у род-

ственников в долгих, мучительных судах. Был у него и брак — жена, две красавицы-дочки, но брак этот тихо сошел на нет, истаял, как весенний снег: жена не захотела переезжать к нему из другого города. Он говорил об этом просто, без злости, как о состоявшемся факте, вроде погоды. Они переписывались неделю. Она сидела у себя на первом этаже, смотрела в окно на чьи-то мелькающие сандалии и босоножки, на то, как дворник метет раскаленный асфальт, и ждала его сообщений. Они говорили по телефону — подолгу, до хрипоты, — и голос у него был низкий, с той особенной, южной растяжкой гласных, которая выдает уроженца крымских предгорий. Потом она поехала к маме в Судак, отвезла младшую дочь на летние каникулы — к морю, к черешне, к белому раскаленному песку, к Генуэзской крепости, чьи серые зубцы врезаются в раскаленное небо. Они договорились встретиться когда она вернется. Когда она вернулась, в свой пыльный, гудящий поездами город, вдруг поняла, что ей лень выходить из дому, лень прихорашиваться, лень играть в ту вечную игру, в которую она играла последние восемь лет. Она просто пригласила его к себе на кофе, без злого умысла и каких либо «далеко идущих планов». Он пришел вечером, огромный, неуклюжий, и в руках у него была гипсовая картинка — барельеф судакской крепости, который он сделал сам. Она сразу узнала и Генуэзскую башню, и Девичью, и тот самый изгиб бухты, где они с мамой всегда покупали копченую барабульку. Картинка была грубовата, видно было, что лепил не скульптор, а строитель — но в каждой линии чувствовалось такое старание, такое желание сделать приятное, что у нее вдруг защипало в носу. Она молча поставила картинку на полку в прихожей, где та и простояла все три года — запылилась, но не потеряла той странной, рукотворной теплоты. А потом, когда они уже сидели на кухне и пили кофе, и он все так же неловко вертел в руках чашку, боясь раздавить ее своими огромными пальцами, она вдруг улыбнулась и сказала: — Знаешь, а ты на Шрека похож. Он поднял брови, явно не зная, обижаться ему или нет. А она, смеясь, добавила: - А я тогда Фиона. Только не та, которая принцесса-тростинка, а та, которая уже после заклатья. Которая тоже была огра размером с домик и не комплексовала по этому поводу. Он захохотал — громко, раскатисто, так что соседская кошка наверху, наверное, подпрыгнула от неожиданности. И она смеялась вместе с ним, и от этого смеха вдруг стало так легко, как не было уже много лет. Они еще долго потом называли друг друга Шреком и Фионой, и в этой шутке было что-то удивительно уютное — признание того, что они оба далеко не красавцы по гляцевым стандартам, но в своем несовершенстве идеально подходят друг другу. Как два пазла из разных коробок, которые вдруг сошлись. На второй день их знакомства он принес букет ромашек. Не роз, не лилий, не орхидей — простых, пахучих, с желтыми сердцевинками и белыми, чуть поникшими от жары лепестками. Она поставила их в старую стеклянную банку на кухонный стол, и ромашки пахли так сильно, что перебивали даже запах кофе. Он сидел напротив, смотрел на нее тем самым медвежьим, испуганно-нежным взглядом и вдруг сказал: — Это тебе, Фиона. И она снова засмеялась — счастливо, запрокидывая голову, как девчонка. Он остался на ночь. Секс не был его сильной стороной — он старался, он так трогательно, почти комично старался доставить ей удовольствие, что она, сама того не ожидая, растаяла. В этом старании было что-то куда более важное и трогательное, чем страсть, в нем была та самая нежность, по которой она истосковалась за все эти годы головокружительных, но пустых романов. С первой ночи он почти переселился к ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.